

Историография андроновидных культур Приобья

Иван А. Плац^a, @, ID

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, 650000, Россия, г. Кемерово,

Советский пр-т, 18

@ ivanplac@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

Поступила в редакцию 10.12.2018. Принята к печати 22.05.2019.

Аннотация: В статье рассматривается историография андроновидных культур Приобья. В изучении андроновидных культур Приобья сложились четыре региона: Томско-Нарымское Приобье, Новосибирское Приобье, Барнаульско-Бийское Приобье и Кузнецкая котловина. Для каждого региона изложены взгляды исследователей по вопросам культурной принадлежности, территории распространения памятников, культурно-исторических процессов, хронологии и периодизации, домостроительных традиций, обрядов погребения, типологии керамики, хозяйства и производства, антропологического типа и этнической принадлежности постандроновского населения. Выделены три периода в процессе изучения андроновидных древностей Приобья. Первый период характеризуется доминированием идеи о широком расселении племен карасукской эпохи в Приобье. В ходе второго периода происходит появление и утверждение концепции о еловской культуре (либо этапе) в Приобье. Третий период заключается в появлении и развитии альтернативных концепций, основанных на местных материалах. Дана оценка современного состояния ключевых проблем историографии постандроновских культур Приобья. В заключение подводятся итоги более чем 70-летней истории изучения андроновидных древностей Приобья: во-первых, постулирована фундаментальная важность накопленных к настоящему времени данных, во-вторых, намечены перспективные исследовательские проблемы в будущем.

Ключевые слова: Западная Сибирь, поздний бронзовый век, постандроновское время, корчажкинская культура, еловская культура, ордынский тип, быстровский этап

Для цитирования: Плац И. А. Историография андроновидных культур Приобья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 353–364. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-353-364>

Введение

Широкая экспансия населения андроновской культурно-исторической общности с ярко выраженным скотоводческим укладом повлекла за собой огромные изменения в культуре и хозяйстве на территории Сибири и Зауралья. В результате контактов между местным автохтонным населением и пришлыми андроновскими племенами в позднем бронзовом веке образовалась андроновидная культурная общность [1, с. 111–112]. Культурно-исторические процессы смешения автохтонной и андроновской традиций происходили в лесных и лесостепных ландшафтах на огромных просторах от Тобола до Енисея. Эти процессы к настоящему времени изучаются в рамках пяти андроновидных культур: сузгунской [2], черкаскульской [3], еловской [4], корчажкинской [5] и пахомовской [6], а также ордынского [7] и ингольского [8] типов памятников.

В данной статье проанализирована история изучения андроновидных древностей Приобья – одного из важнейших районов андроновидной культурной общности. В изучении

андоновидных культур Приобья сложились четыре региона: Томско-Нарымское, Новосибирское, Барнаульско-Бийское Приобье и Кузнецкая котловина. Этому факту подчинена структура статьи.

Исследования в Томско-Нарымском Приобье

Отправной точкой всех исследований андроновидных памятников Приобья можно считать разведку В. С. Синяева в низовьях Чулыма в 1947 г., когда было открыто поселение Десятово [9, с. 336], материалы которого в дальнейшем стали основой для выделения еловской культуры. В результате своих первых раскопок В. И. Матющенко выделил в бронзовом веке региона два периода. Первый период ознаменовался существованием томской культуры, второй период представлен памятниками с керамикой, имеющей сходство с материалами карасукской культуры [10, с. 10]. В 1959 г. был открыт Еловский археологический комплекс (ЕАК), ставший основополагающим для всех дальнейших исследований. В. И. Матющенко предположил, что

в карасукское время в Томское Приобье вторглись южные скотоводческие племена, которые смешались с местным населением [11, с. 194–195].

В 1964 г. М. Ф. Косарев выделил в Приобье еловскую культуру [4, с. 9]. Центром этой культуры считалось Томско-Нарымское Приобье, но отмечалось распространение еловских памятников вплоть до Алтая [1, с. 145]. Обосновывался тезис о появлении еловской культуры в связи с продвижением восточно-уральского населения, которое вытеснило из Томско-Нарымского Приобья самусьскую культуру. В переходное время от бронзы к железу к северу от Томи уже еловское население начало испытывать влияние таежных племен с севера и карасукских – с юго-востока. В результате этих контактов сложилась молчановская культура на севере и ирменская культура – на юге еловского ареала [4, с. 9–11]. М. Ф. Косарев определил хронологические рамки еловской культуры XII–IX вв. до н. э., а также разработал типологию еловской керамики, состоящей из пяти групп [1, с. 146–153, 162]. Им высказана мысль о комплексном хозяйстве еловского населения со значительной ролью скотоводства и наличием земледелия, а также об отличии от самусьской металлургии, базировавшейся на местной рудной базе (Кузнецкий Алатау), еловские металлические вещи связаны с другой сырьевой базой, предположительно с Восточным Казахстаном [12, с. 112–116]. Еловская культура, по предположению М. Ф. Косарева, могла отражать раннюю историю самодийской группы племен [12, с. 154–159]. Большое внимание автор уделял смещению ландшафтных границ и связанных с этим процессов перемещения населения [12, с. 20–22].

Идею о существовании оригинальной еловской культуры поддерживал и развивал В. А. Посредников. Как и М. Ф. Косарев, В. А. Посредников считал ареалом культуры Среднее и Верхнее Приобье, а также не прослеживал связи самусьской культуры с еловской и считал формирование последней результатом миграции зауральского населения с гребенчато-ямочной керамикой. Исследователь предлагал относить памятники Приобья с гребенчато-ямочной керамикой к раннееловскому этапу, а памятники, в которых сочетаются андроновские и гребенчато-ямочные традиции – собственно еловскими. Исходя из этого, В. А. Посредников выделял лесостепной ареал еловцев с преобладающим андроновским компонентом и таежный ареал, где влияние андроновских традиций было слабее. Вслед за М. Ф. Косаревым В. А. Посредников считал, что еловское население в дальнейшем участвовало в сложении молчановской и ирменской культур [13, с. 2–5, 23–26]. Исследователь датировал еловские древности довольно широко, допуская их существование с XIII по VIII вв. до н. э. [13, с. 8–9]. Он выделял две группы посуды еловской культуры:

первая – с орнаментом в виде поясов елочки, сетки, ямок, насечек; вторая – с геометрическим орнаментом [13, с. 21–22]. Ученый считал, что еловское население лесостепной полосы было знакомо со скотоводством, но в меньшей мере, чем ирменское население, а в таежных районах скотоводство и вовсе не получило распространения. Большую роль играло рыболовство, а вспомогательную – охота и собирательство. По поводу земледелия у еловской культуры В. А. Посредников высказывался скептически [13, с. 11–14]. В вопросе об этнической принадлежности еловского населения придерживался мнения об участии еловского компонента в сложении самодийского этноса, т. к. черты еловской культуры наиболее четко проявляются у самодийцев [13, с. 26]. Ссылаясь на ряд естественно-научных работ, придерживался мнения, что границы ландшафтов в Новосибирско-Нарымском Приобье не менялись со второй половины среднего голоцена [13, с. 9–11].

В. И. Матющенко андронидные древности региона начал рассматривать в рамках еловско-ирменской культуры [14, с. 3–6]. Южная граница распространения памятников еловского типа проходила в районе Бийска, северная – в Колпашевском районе Томской области, западная – на Обь-Иртышском водоразделе, восточная – в районе Ново-Кусково на Чулыме [14, с. 85–90]. Процесс появления культуры описывался как взаимодействие местного самусьского компонента и пришлого андроновского, с преобладанием последнего, а на ирменском этапе влияние оказала карасукская культура [14, с. 158]. В дальнейшем еловско-ирменский компонент вошел в состав большебереченской, кижировской и молчановской культур [14, с. 170–173]. В. И. Матющенко датировал еловско-ирменскую культуру XII – началом VII вв. до н. э. и выделял в ней два этапа – еловский и ирменский [14, с. 70–78]. В соавторстве с С. С. Тихоновым было выделено 7 групп еловской керамики по материалам ЕК I и ЕК II [15]. Предполагалось комплексное хозяйство еловского населения со значительной ролью скотоводства [14, с. 91–96]. Он не разделял климатической подолеки миграций скотоводческого населения на север, связывая их в первую очередь с развитием скотоводческого хозяйства и освоением удобных пастбищ вдоль Верхнего Приобья [14, с. 173–179].

В. И. Матющенко принадлежит большая заслуга в исследовании материальной культуры и погребального обряда андронидного населения Приобья. Так, исследованные им на Еловском поселении жилища занимали площадь в 200 м² и углублены в землю на 90–100 см [14, с. 107]. Еловские погребения на Еловском II могильнике сооружались в виде грунтовых могил. Форма еловских могил в большинстве случаев прямоугольная; могилы сооружались в 2/3 случаев на материке или выше материка, в 1/3 случаев –

в материке. Из 115 еловских могил в 31 зафиксировано деревянное перекрытие, в 12 – деревянная обкладка. Положение умершего в могиле скорченное на левом боку. Ориентация умерших чаще всего на юго-юго-запад, юго-запад, юго-запад-запад. В могилу помещали посуду, в редких случаях орудия труда, иногда находили кости животных [16, с. 330–348]. На Еловском I могильнике все погребения совершены под курганными насыпями. В большинстве случаев умерших погребали на уровне дневной поверхности, реже – в неглубоких ямах (до 25 см), в скорченном положении на левом боку. Четкая закономерность в ориентации умерших отсутствует [17, с. 20–22].

Ю. Ф. Кирюшин отнес все материалы бронзового века Васюганья к еловской культуре и считал, что еловская культура ведет свое начало от появления гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, а не от момента ее смешения с андроновидной традицией [18, с. 158]. Он пришел к выводу, что еловские племена были генетически связаны и сформировались на основе местного неолитического населения. Позднее появившееся андроновское и андроновидное население в районе Еловского микрорайона стало оказывать на еловцев Васюганья опосредованное влияние. Затем андроновидное население лесостепного Приобья и Прииртышья было вытеснено на север ирменцами. Это обусловило усиление андроновидного компонента в Васюганье, однако пришлое население было со временем ассимилировано. В целом еловская культура в Нарымском Приобье просуществовала более длительное время, чем в лесостепном Приобье, где еловские традиции сменились ирменскими, и в конце концов поучаствовала в формировании кулайской культуры [18, с. 158–162]. Ю. Ф. Кирюшин разделил еловскую культуру на четыре этапа: 1) степановский (первая четверть – середина II тыс. до н. э.); 2) тухэмторский (середина – третья четверть II тыс. до н. э.); 3) тухсигатский (последняя четверть II тыс. до н. э.); 4) позднееловский (начало I тыс. до н. э.) [18 с. 158–162]. Для бронзового века Васюганья исследователем предложена типология из 7 групп керамической посуды [18, с. 92–97]. В Васюганье еловские жилища представлены двумя типами: летние наземные каркасно-столбовые конструкции площадью 15–25 м² и зимние полуземлянки каркасно-столбовой конструкции площадью 30–45 м² [18, с. 122–125].

В Васюганье у еловского населения зафиксирована ведущая роль рыболовства и вспомогательная – охоты, скотоводства и собирательства. Бронзолитейное производство было местным, но металл доставлялся из Горного Алтая и Урала [18, с. 126–131, 136–139]. В еловской серии из Еловского I могильника доминируют оловянные бронзы, присутствует небольшая доля чистой меди, и в единичных случаях встречаются мышьяковые и оловянно-мышьяковые

бронзы. Металл еловской культуры демонстрирует тесную связь с Евразийской металлургической провинцией [19, с. 55–68].

По заключению В. А. Дремова, к концу бронзового века происходит отчетливое усиление европеоидности населения Томско-Нарымского Приобья [20, с. 138–142]. А. В. Зубова, исследовавшая материалы Еловского комплекса, пишет об усилении автохтонного компонента у еловского населения по сравнению с предшествовавшим здесь андроновским населением. Краниологическая характеристика мужской части еловского населения показывает наибольшее сходство с ирменскими группами и высокую степень сходства с федоровским населением [21, с. 171–180].

Исследования в Новосибирском Приобье

Экспедицией под руководством Т. Н. Троицкой в 1958–1966 гг. был открыт и исследован ряд памятников поздней бронзы, которые первоначально связывались с карасукской эпохой [22]. М. Ф. Косарев выделил на поселениях Красный Яр и Камень ранние комплексы, соотнесенные им с еловской культурой, и более поздние ирменские [4, с. 9].

С существованием еловской культуры в Новосибирском Приобье не согласился А. В. Матвеев, выделивший для постандроновского времени переходный андроновско-ирменский тип памятников – ордынский, и ранний этап ирменской культуры – быстровский, тем самым заполнив лауну в культурно-хронологической схеме региона. А. В. Матвеев доказывал мысль об эволюционном развитии местного андроновского населения на протяжении второй половины II и первой трети I тыс. до н. э. В постандроновское время здесь продолжала бытовать чисто андроновская орнаментальная традиция (ордынский тип – три этапа ирменской культуры) без какого-либо влияния лесной гребенчато-ямочной традиции, что свойственно для еловской культуры. А. В. Матвеевым были предложены следующие датировки для постандроновского времени Новосибирского Приобья: переходный андроновско-ирменский тип памятников – ордынский (XIII – начало XII в. до н. э.); быстровский (XII–XI вв. до н. э.), ирменский (конец XI – конец IX в. до н. э.) и позднеирменский (первая половина VIII в. до н. э.) этапы ирменской культуры [7]. Предложенную схему принял В. А. Зах для материалов Изылинского археологического микрорайона в Присалаирье [23, с. 57–62].

Н. А. Членова подвергла критике выделение ордынского типа памятников, поскольку считала, что ордынская керамика ничем не отличается от еловской, а быстровские памятники – те же ирменские. Не принята была и датировка А. В. Матвеева по причине отсутствия датированных

вещей. По мнению исследовательницы, ирменская культура существовала относительно недолго: XI–VII вв. до н. э., и выделение ее этапов на существующем уровне знаний невозможно, а памятники ордынского типа следует относить к еловской культуре, которая сосуществовала с ирменской [24, с. 24–28].

Схожей точки зрения придерживались В. А. Сумин и М. В. Титова, указывая, что ордынский тип памятников является трансформированным вариантом еловской культуры. Исследователи доказывали генетическую преемственность ордынских памятников от еловских, а не от андроновских, а также отмечали продвижение еловской культуры на юг и юго-восток от основного ареала по крупным притокам Оби [25]. М. В. Титова и Т. Н. Троицкая отнесли к еловской культуре не только ордынский тип, но и быстровский этап ирменской культуры [26, с. 92].

Два жилища постандроновского времени были исследованы на поселениях Ордынское-12 и Красный Яр-1. Они представляли собой двухкамерные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции площадью около 90 м² [27, с. 97]. На поселении Крохалевка-15 раскопаны два жилища площадью 60 и 68 м². Они являлись полуземлянками, глубиной до 0,94 м, каркасно-столбовой конструкции, одна из построек была двухкамерной. Предполагается зимний характер данных жилищ. На смешанном еловско-ирменском поселении Крохалевка-7а исследованы жилища срубной конструкции, с неглубоким котлованом и площадью 125–180 м², с очагом по центру. В двух жилищах предположительно выявлены зоны для содержания скота [28, с. 196–197].

Несколько постандроновских погребений известны на могильниках Бурмистрово-1, Заречное-1, Ордынское-11. Обряд погребения: сооружения грунтовых ям под курганными насыпями, где в скорченном положении на левом боку погребался умерший [23, с. 62–63]. Аналогичный обряд погребения зафиксирован на могильнике Крохалевка-13 [29].

Исследования в Барнаульско-Бийском Приобье

В 1955 г. Б. Х. Кадиковым было открыто андроновидное поселение Корчажка-5, а в 1959 г. им же здесь были проведены раскопки [30]. В. И. Матющенко считал, что памятники еловского этапа еловско-ирменской культуры были распространены вплоть до района южнее Бийска [14, с. 85]. М. Ф. Косарев, напротив, относил появление керамики с еловской орнаментацией ко времени финальной бронзы, когда андроновидное население было оттеснено с севера таежными группами [1, с. 181]. Ю. Ф. Кирюшин первоначально также присоединялся к мысли о существовании в Приобье еловской культуры с несколькими локальными вариантами,

в том числе алтайским [31]. В 1985 г. В. В. Бобров, касаясь алтайских памятников еловской культуры, отмечал их иную культурную принадлежность, ссылаясь на многообразие андроновидных типов памятников при общей устойчивой андроновской традиции [32, с. 30].

В дальнейшем к мысли об оригинальной местной андроновидной культуре пришли и Ю. Ф. Кирюшин и А. Б. Шамшин, когда в 1987 г. обосновали существование в Барнаульско-Бийском Приобье самостоятельной корчажкинской культуры [5]. По многим пунктам они не были согласны с концепцией А. В. Матвеева. Ареал быстровских памятников они ограничивали югом Новосибирского Приобья, а памятники Барнаульско-Бийского Приобья, названные им быстровскими (Заковряшино 1, Казенная Заимка и Цыганкова Сопка I), отнесли к корчажкинской культуре. Исследователи предполагали, что в Барнаульско-Бийском Приобье имели место миграционные волны андроновского населения, повлекшие смешение пришельцев с местными гребенчато-ямочными и елунинскими группами, а в дальнейшем – к появлению корчажкинской культуры. В финальную бронзу в регионе продолжало существовать корчажкинское население, а также появляются ирменцы, в происхождении которых приняли участие корчажкинцы. Корчажкинская культура стала основным компонентом при формировании большереченского этапа большереченской культуры. Посредством стратиграфических, планиграфических наблюдений и датирующих вещей Ю. Ф. Кирюшин и А. Б. Шамшин выделили в корчажкинской культуре два этапа: ранний – фирсовский (XII (XI) – X вв. до н. э.), и поздний – иткульский (X – первая половина VIII в. до н. э.), синхронизировали их с памятниками ордынского типа и быстровского этапа ирменской культуры в Новосибирском Приобье [5]. Керамика корчажкинской культуры подразделяется на два типа – фирсовский, для которого характерно преобладание гребенчатого штампа в орнаментации, и иткульский, в котором преобладает гладкий штамп. К иткульскому типу также относится отдельная группа керамики с выраженным андроновидным геометризмом. На памятниках корчажкинской культуры выделяются легкие наземные конструкции (Костенкова Избушка) и подквадратные постройки площадью 30 м², углубленные на 1,4–1,7 м (два жилища на Корчажке-5). А. Б. Шамшин, выделяя корчажкинскую культуру, отмечал, что погребальный обряд изучен недостаточно. В 1988 г. А. Б. Шамшину было известно 13 корчажкинских могил. В 6 случаях умерших клали в грунтовые могилы 0,4–0,6 м глубиной, в скорченном положении на правом или левом боку, головой на юго-запад и северо-восток. В остальных случаях были зафиксированы т. н. «открытые» погребения, в которых костяк сильно потревожен, но без следов ограбления [5; 33].

Корчажнинская культура характеризуется комплексным хозяйством на основе сочетания скотоводства, охоты и рыболовства. Остеологические материалы дают примерно равные доли домашних и диких животных [33]. Металл корчажнинской культуры демонстрирует тесную связь с Евразийской металлургической провинцией [19, с. 55–58].

Исследования в Кузнецкой котловине

В 1986 г. В. В. Бобров открыл первый андронидный памятник в регионе – Танай I и в целом Танайский археологический район с большим количеством памятников поздней бронзы. Он отнес ряд памятников в Кузнецкой котловине к корчажнинской культуре, указывая на высокую степень связи танайских материалов с алтайскими памятниками. При этом отмечалось отсутствие принципиальных различий между древностями иткульского этапа корчажнинской культуры и быстровского этапа ирменской культуры Новосибирского Приобья [34, с. 16–17]. Исследователь обосновывал появление носителей андронидных традиций в Кузнецкой котловине из взаимодействия андроновцев с населением, оставившим гребенчато-ямочную керамику. В дальнейшем андронидное население приняло участие в формировании ирменской культуры в качестве одного из компонентов [34, с. 35]. Андронидные комплексы Кузнецкой котловины датировались по аналогии с корчажнинскими и еловскими материалами Верхней Оби XII/XI–X/IX вв. до н. э. [34, с. 28].

В. В. Бобров выделяет две группы корчажнинской посуды [34, с. 16]. Наиболее наглядное представление о постандроновском поселке в Кузнецкой котловине дает полностью исследованное поселение корчажнинской культуры Танай-4. Поселок представлял собой один ряд из десяти сооружений жилого, хозяйственного и иного назначения на берегу оз. Танай. Жилища располагались на расстоянии метра друг от друга. Сооружения имели каркасно-столбовую конструкцию наземного типа с входом длиной до 2 м и шириной около 1,5 м [35]. Для андронидного населения Кузнецкой котловины были характерны захоронения курганного типа. Под некоторыми курганами располагались прямоугольные каменные оградки. Захоронения производили в небольших грунтовых ямах, реже на поверхности, над могилами сооружали деревянные рамы с покрытием. Обряд погребения – ингумация в скорченном положении на левом боку, преобладает ориентация на северо-восток [34, с. 16]. В Кузнецкой котловине в постандроновское время хозяйство имело ярко выраженный скотоводческий характер, чем отличалось от многоотраслевого хозяйства, характерного для андронидного населения Алтая. На поселении Танай-4 кости домашних животных составляли около 90 %.

В составе стада преобладал крупный рогатый скот, в 2 раза меньше было лошадей и овец [34, с. 31].

По мнению В. Н. Жаронкина, ирменская культура сформировалась непосредственно на базе андроновского субстрата и генетически преемственна андроновской культуре. Андронидные культуры являлись результатом другого культурного процесса – взаимодействия андроновской и гребенчато-ямочной традиций [36, с. 110–111].

Постандрановские памятники в долинах рек Касьмы и Ур, исследовавшиеся А. М. Илюшиным, также атрибутированы как корчажнинские. А. М. Илюшин и С. А. Ковалевский выделяют три основных компонента формирования корчажнинской культуры в Кузнецкой котловине: андронидный, андроновский и ирменский. В результате продвижения ирменского населения из Новосибирского Приобья местные постандроновские группы были ассимилированы [37, с. 94–109]. В одной из последних работ А. М. Илюшин и В. А. Борисов предложили выделение нового ирменско-корчажнинского археологического типа памятников в пределах Урского археологического микрорайона [38]. В монографии В. А. Борисова имеется информация о технологических особенностях гончарных традиций андроновской (федоровской), еловской и корчажнинской культур Верхнего Приобья [39, с. 89–101].

И. В. Ковтун предложил отнести памятники Танай-1, Танай-4 и 4а, Танай-12, Исток, Калтышино-5 к новой андронидной культуре – танайской. В качестве субстратов формирования андронидного населения региона он указывает андроновский, карасукоидный и еловский, отмечает отсутствие непосредственного доандрановского автохтонного компонента [40, с. 68–71].

Интересна попытка оценки численности населения корчажнинского и ирменского населения Верхнего Приобья, основанная на математических формулах. Произведенный подсчет показал, что численность населения эпохи поздней бронзы верхний Оби составляла от 5300 до 13700 человек [41, с. 14].

Особенностью оформления головных уборов у женского населения постандроновского времени Кузнецкой котловины было наличие лицевых и челюстно-лицевых сложносоставных украшений из бронзовых трубочек-пронизок, височных колец, бляшек-нашивок, перламутровых пластинок [42, с. 15].

По данным А. В. Зубовой, исследовавшей краниологическую серию из могильника Танай-12, у населения корчажнинской культуры Кузнецкой котловины произошло «вторичное» усиление комплекса европеоидных характеристик, свойственного федоровскому населению, произошедшее в результате миграции андронидного населения (мужского) из Томского Приобья в Кузнецкую котловину [21].

Периодизация

Если взять в качестве критерия периодизации развитие исследовательских концепций о культурной принадлежности памятников Приобья постандроновского времени, то можно выделить три периода.

1. Период доминирования идеи о широком расселении племен карасукской культуры (или эпохи) в Приобье (1947–1963) – открытие и исследование первых андронидных памятников, которые рассматривались в рамках карасукской культуры / эпохи / времени.

2. Период появления и доминирования концепции о еловской культуре (этапе) в Приобье (1964–1984) – активные исследования в Томско-Нарымском Приобье привели к утверждению мысли о существовании в постандроновское время еловской культуры (либо этапа).

3. Период появления и развития альтернативных концепций, основанных на местных материалах (1985 г. – настоящее время) – в результате развития археологических центров в Новосибирске, Кемерове и Барнауле появились концепции, не признававшие распространение еловской культуры по всему Верхнему Приобью. На основе локальных особенностей для постандроновского времени Приобья выделяются оригинальные локальные культуры или типы памятников.

Современное состояние ключевых проблем историографии

В ходе развития научного археологического знания о культурах постандроновского времени историографическим фактом стало существование томского, новосибирского и верхнеобского вариантов карасукской культуры; не принят научным сообществом термин еловско-ирменская культура, однако сама идея единства постандроновских и ирменских памятников взята на вооружение А. В. Матвеевым и В. А. Захом; еловская культура давно и прочно вошла в культурно-хронологическую схему Западной Сибири; существование корчажгинской культуры обстоятельно обосновывалось в трудах Ю. Ф. Кирюшина, А. Б. Шамшина, В. В. Боброва.

Наиболее сложным вопросом, связанным с культурной принадлежностью, является соотношение еловской, корчажгинской культуры, ордынского типа памятников, быстровского этапа между собой в пограничных зонах.

Среди исследователей сложились две основных гипотезы об исторических судьбах андронидного населения Приобья. Первую гипотезу вполне можно назвать эволюционной. Она заключается в признании прямой генетической преемственности населения Верхней Оби начиная от развитого до позднего бронзового века или даже вплоть до раннего железного века. Эта точка зрения берет свое начало ещё в трудах С. А. Теплоухова и имеет продолжение в исследованиях С. В. Киселева, М. П. Грязнова, А. В. Матвеева, В. А. Заха. Вторая гипотеза заключается

в существовании сложных процессов ассимиляции, либо аккультурации между пришлым скотоводческим населением андроновской культуры и местными группами населения, в хозяйстве которых ведущую роль все ещё играли присваивающие формы хозяйства, в результате чего появились культуры постандроновского времени. Одной из первых эту мысль высказала Н. А. Членова [43, с. 54–57]. В дальнейшем, с выделением археологических культур автохтонного населения (самусьская, кротовская, елунинская, крохалевская, культура гребенчато-ямочной керамики), исследователи начали реконструировать исторические процессы, происходившие на той или иной территории с участием пришлых и автохтонных групп (труды В. В. Боброва, Ю. Ф. Кирюшина, М. Ф. Косарева, В. И. Матющенко, А. Б. Шамшина и др.).

Андронидные древности Приобья датируются большинством исследователей в рамках последней четверти II тыс. до н. э., однако высказывались мысли о существовании андронидного населения и в первой четверти I тыс. до н. э. Обращает на себя внимание очень небольшое количество радиоуглеродных датировок. Для андроновской и ирменской культуры уже получены многочисленные серии дат, которые внесли коррективы в датировку культур бронзового века Западной Сибири. Это порождает определенные проблемы в установлении абсолютной хронологии постандроновских памятников, т. к. происходит удревание большинства культур бронзового века, в то время как андронидные культуры традиционно датируются последней четвертью II тыс. до н. э.

Индивидуальность погребальной андронидной посуды и стандартность посуды, находимой на поселениях, приводит к тому, что при использовании сравнительно-типологического метода происходит выделение ритуальной и бытовой посуды, либо выделение множества групп. Поселения и жилища постандроновского времени Приобья соответствуют домостроительным традициям бронзового века Зауралья и Западной Сибири в целом.

Могильники, на которых обнаружены андронидные погребения, в большинстве случаев были разновременными. На одном кладбище хоронили представителей андроновских, андронидных и ирменских традиций. Сравнительно хорошо изучен погребальный обряд еловской культуры Томско-Нарымского Приобья и корчажгинской культуры в Кузнецкой котловине, в то время как данных о ритуальных традициях населения Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья явно недостаточно. В целом погребальный обряд андронидного населения отличался вариабельностью, но основные его черты – это ингумация в курганных и грунтовых захоронениях скорченно на левом боку, ориентация чаще всего на юго-запад и северо-восток.

Большинство исследователей вслед за М. Ф. Косаревым считают, что хозяйство андроновидного населения было комплексным. Довольно часто в литературе можно встретить противопоставление андроновидных культур, ведущих комплексное хозяйство, и ирменской культуры с доминирующим скотоводством. Однако обращает на себя внимание явно недостаточное количество анализов остеологических коллекций из поселений андроновидных культур. Имеются данные как о ярко выраженном скотоводческом хозяйстве, так и о комплексном. Довольно дискуссионным остается вопрос о земледелии на территории западно-сибирской лесостепи в позднем бронзовом веке [44, с. 67]. По всей видимости, хозяйство андроновидного населения на разных территориях было различным.

Антропологи отмечают в целом европеоидную принадлежность андроновидного населения Верхнего Приобья с ощутимой монголоидной примесью, связь постандроновского населения с предшествующими федоровскими и последующим ирменскими группами. Следует отметить, что ввиду малого количества андроновидных погребений в Новосибирском и Барнаульско-Бийском Приобье антропологический тип местного постандроновского населения практически не исследован. Многие исследователи протягивают нить от андроновидного населения Приобья к современным самодийцам.

Заключение

В результате многолетних работ исследователями определено, что постандроновское время Верхнего Приобья характеризуется существованием культур андроновидной общности – еловской и корчажкинской, а также культурными образованиями, продолжающими андроновские традиции – ордынский тип памятников и быстровский этап ирменской культуры. Разработанные положения о куль-

турной принадлежности, территории распространения памятников, культурно-исторических процессах, хронологии и периодизации, домостроительных традициях, обряде погребения, типологии и технологии керамики, хозяйстве и производстве, антропологическом типе и этнической принадлежности населения постандроновского времени Верхнего Приобья являются той основой, без опоры на которую невозможно дальнейшее познание древней истории региона.

Из представленного выше обзора можно сделать вывод, что на многие исследовательские вопросы ещё предстоит получить ответ. Во-первых, актуальными продолжают оставаться важнейшие вопросы о культурной принадлежности памятников постандроновского времени Приобья. Во-вторых, требуется дальнейшая разработка содержания историко-культурных процессов в постандроновское время [45, с. 34]. В-третьих, предстоит решить проблему датировки постандроновского времени ввиду все новых данных, получаемых при радиоуглеродном анализе [46]. В-четвертых, следует отметить, что в бассейне Оби имеются районы, планомерное изучение которых принесет много новых материалов постандроновского времени. К таковым можно отнести Верхнее и Среднее Причумылье, в частности Ачинско-Мариинскую лесостепь [47], где на данный момент известны только три андроновидных памятника: Дворниково [32], Инголь [8] и Устье-Кожуха [48]; а также территорию Притомья, где находки андроновидной керамики известны лишь эпизодически [49]. В-пятых, большое значение будет иметь анализ контактов андроновидного населения Приобья с культурами сопредельных территорий, тем более к настоящему времени уже имеются ценные наработки о контактах с бегазы-дандыбаевской культурой [1, с. 151; 14, с. 163; 29, с. 70–71; 50–52].

Литература

1. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
2. Мошинская В. И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР. 1957. № 58. С. 114–135.
3. Сальников К. В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 5–23.
4. Косарев М. Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 15 с.
5. Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АлтГУ, 1987. С. 137–158.
6. Корочкова О. Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 26 с.
7. Матвеев А. В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология. 1986. № 2. С. 56–69.
8. Бобров В. В. Новый тип андроновидных памятников Ачинско-Минусинской лесостепи // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. С. 5–23.
9. Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // Советская археология. 1950. № 13. С. 331–340.

10. Матющенко В. И. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1960. 15 с.
11. Матющенко В. И., Игольников А. Г. Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2. С. 183–195.
12. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 168 с.
13. Посредников В. А. История еловского населения Среднего и Верхнего Приобья (эпоха поздней бронзы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 27 с.
14. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. IV. Еловско-ирменская культура. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.
15. Матющенко В. И., Тихонов С. С. Еловская керамика юга Томской области // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 73–86.
16. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
17. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1. Еловский I курганный могильник. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 62 с.
18. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ин-та, 1979. 182 с.
19. Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
20. Дремов В. А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 260 с.
21. Zubova A. V. Население Западной Сибири во II тыс. до н. э. (по антропологическим данным). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
22. Троицкая Т. Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. Вып. 4. С. 32–46.
23. Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. 132 с.
24. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.
25. Сумин В. А., Титова М. В. Распространение еловской культуры в Новосибирском Приобье // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф., 1 января – 31 декабря 2001 г. Томск, 2001. С. 195–197.
26. Титова М. В., Троицкая Т. Н. К вопросу о связи между еловской и ирменской культурами // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 92–101.
27. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 180 с.
28. Сумин В. А., Евтеева Е. М., Ануфриев Д. Е., Росляков С. Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. Новосибирск: ГАУ НСО НЦП, 2013. 272 с.
29. Троицкая Т. Н., Софеев О. В. Памятник Крохалевка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. С. 63–72.
30. Кадиков Б. Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. Вып. 3. С. 18–19.
31. Кирюшин Ю. Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 51–54.
32. Бобров В. В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 28–36.
33. Шамшин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.
34. Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
35. Бобров В. В., Умеренкова О. В. Жилища культуры постандроновского времени Кузнецкой котловины // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 22–29.
36. Жаронкин В. Н. Культурные традиции и инновации в эпоху поздней бронзы и переходное время к раннему железному веку Верхней Оби: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 168 с.

37. Илюшин А. М., Ковалевский С. А. Комплекс археологических поселений в долине реки Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 212 с.
38. Илюшин А. М., Борисов В. А. Коллекция находок из сборов на поселении Саратовка-4 (к постановке вопроса о новом типе археологических памятников периода поздней бронзы в Кузнецкой котловине) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 63–68.
39. Борисов В. А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. 254 с.
40. Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.
41. Соколов П. Г. Экономика и система жизнеобеспечения обществ эпохи поздней бронзы Верхней Оби: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 21 с.
42. Умеренкова О. В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири (археологический и исторический аспекты): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 21 с.
43. Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // Советская археология. М., 1955. Т. XXIII. С. 38–57.
44. Айыжы Е. В., Ковалевский С. А. Обзор литературы по вопросу о становлении скотоводческого хозяйства на территории западно-сибирской лесостепи в эпоху поздней бронзы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 65–73. DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-65-73
45. Бобров В. В. Тенденция историко-культурных процессов в лесостепи Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 32–36. DOI: 10.17223/19988613/42/6
46. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.
47. Трусова Е. В. История полевых исследований памятников андроновского и постандроновского времени Ачинско-Мариинской лесостепи (юго-запад Красноярского края) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 107–108.
48. Ковтун И. В., Фрибус А. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н. Горно-таежный андроновидный комплекс Устья-Кожуха 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-3. С. 46–51.
49. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А., Сизев А. С., Веретенников А. В., Конончук К. В., Щербакова А. В., Минина К. П., Фальман А. В. Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово. 2018. № 8. С. 5–15.
50. Бобров В. В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроновидные культуры Западной Сибири // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 9–13.
51. Корочкова О. Н. Андроновидные культуры Западной Сибири и бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Изд-во Бегазы-Тасмола, 2013. С. 340–348.
52. Варфоломеев В. В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Изд-во Бегазы-Тасмола, 2013. С. 167–197.

The Andronoid Cultures of the Ob Region: Historiography

Ivan A. Plats ^{a, @, ID}

^a The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

@ ivanplac@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

Received 10.12.2018. Accepted 22.05.2019.

Abstract: The current paper features the historiography of the Andronoid cultures of the Ob region. The author identifies four investigation districts: Tomsk-Narym, Novosibirsk, Barnaul-Biysk Ob, and Kuznetsk Basin. For each district, the author describes cultural affiliation, territory of distribution, cultural and historical processes, chronology and periodization, house-building traditions, burial rites, typology of ceramics, economy and production, anthropological type and ethnicity of the Postandronian population. In addition, the author points out three periods in the research process of Andronoid antiquities in the Ob region. The first period is characterized by the dominance of the idea that the Karasuk era tribes settled all over the Ob region. The second period is marked by the concept of Yelovo culture (or stage) in the Ob region. The third period featured alternative concepts based on local materials. The author reports the current state and the key problems of the historiography of Postandronian cultures of the Ob. In conclusion, the author summarizes the more than 80-year history of Andronoid antiquities research in the Ob region, the fundamental importance of the accumulated data, and the promising research directions.

Keywords: Western Siberia, Late Bronze Age, Postandronian epoch, Korchazhka culture, Yelovo culture, Hord-era type, Bystrovskiy period

For citation: Plats I. A. The Andronoid Cultures of the Ob Region: Historiography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 353–364. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-353-364>

References

1. Kosarev M. F. *Bronze Age of Western Siberia*. Moscow: Nauka, 1981, 282. (In Russ.)
2. Moshinskaia V. I. Suzgun II – a site of the Bronze Age in forest belt of Western Siberia. *Materials and studies on archeology of the USSR*. Moscow: AN SSSR, 1957, (58): 114–135. (In Russ.)
3. Sal'nikov K. V. Some questions of the history of the forest Zauralye in the Bronze Age. *Voprosy arkheologii Urala*, 1964, (6): 5–23. (In Russ.)
4. Kosarev M. F. *Bronze Age of the Middle Ob-Irtysh region*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1964, 15. (In Russ.)
5. Kiriushin Iu. F., Shamshin A. B. Korchazhkinskaya culture of forest-steppe Altai Ob region. *Archaeological research in Altai*. Barnaul: AltGU, 1987, 137–158. (In Russ.)
6. Korochkova O. N. *Pretaiga and south taiga of Tobolo-Irtysh region in the Late Bronze Age*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1987, 26. (In Russ.)
7. Matveev A. V. Some results and problems of studying the Irmen culture. *Sovetskaia arkheologiya*, 1986, (2): 56–69. (In Russ.)
8. Bobrov V. V. A new type of Andronoid sites of the Achinsk-Minusinsk forest-steppe. *Ancient monuments of North Asia and their protective excavations*. Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1988, 5–23. (In Russ.)
9. Siniaev V. S. Materials to the archaeological map of Nizhny Chulym. *Sovetskaia arkheologiya*, 1950, (13): 331–340. (In Russ.)
10. Matiushchenko V. I. *Neolithic and Bronze Age in the basin of the Tom river*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 1960, 15. (In Russ.)
11. Matiushchenko V. I., Igol'nikova L. G. The settlement Yelovka – a site of the second stage of the Bronze Age in Middle Ob region. *Sibirskii arkheologicheskii sbornik*, 1966, iss. 2, 183–195. (In Russ.)
12. Kosarev M. F. *Ancient cultures of Tomsk-Narym Ob region*. Moscow: Nauka, 1974, 168. (In Russ.)
13. Posrednikov V. A. *History of the Yelovo population in Middle and Upper Ob region (late Bronze Age)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1973, 27. (In Russ.)
14. Matiushchenko V. I. *Ancient history of the population of forest and forest-steppe Ob region (Neolithic and Bronze Age). Part IV. Yelovsko-Irmenskaya culture*. Tomsk: TGU, 1974, 196. (In Russ.)

15. Matiushchenko V. I., Tikhonov S. S. Elovo pottery of the south of Tomsk region. *Sources of ethnocultural history of Western Siberia*. Tyumen: TymGU, 1991, 73–86. (In Russ.)
16. Matiushchenko V. I. *Elovo archaeological complex. Part 2. Yelovsky II burial ground. Doirmen complexes*. Omsk: Izd-vo OmGU, 2004, 468. (In Russ.)
17. Matiushchenko V. I. *Yelovo archaeological complex. Part 1. Yelovsky I Barrow Cemetery*. Omsk: Izd-vo OmGU, 2001, 62. (In Russ.)
18. Kiriushin Iu. F., Maloletko A. M. *Bronze age of Vasyugan*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979, 182. (In Russ.)
19. Bobrov V. V., Kuz'minykh S. V., Teneishvili T. O. *Ancient metallurgy of the Middle Yenisei (Lugavskaya culture)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 99. (In Russ.)
20. Dremov V. A. *Population of the Upper Ob in the Bronze Age (anthropological essay)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1997, 260. (In Russ.)
21. Zubova A. V. *The population of Western Siberia in the II millennium BC (according to anthropological data)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2014, 228. (In Russ.)
22. Troitskaia T. N. *Karasuk epoch in the Novosibirsk Ob Ancient Siberia. Bronze and Iron Age of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, 1974, iss. 4, 32–46. (In Russ.)
23. Zakh V. A. *The epoch of bronze of Prislair (based on the materials of Izylinsky archaeological microdistrict)*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe predpriiatie RAN, 1997, 132. (In Russ.)
24. Chlenova N. L. *Archaeological sites of the end of Bronze Age in Western Siberia*. Moscow: Nauka, 1994, 170. (In Russ.)
25. Sumin V. A., Titova M. V. Spreading of the Elovska culture in the Novosibirsk Priobye. Space of culture in the archeological and ethnographic dimension. *Western Siberia and adjacent territories: Proc. XII. West Siberian archaeological ethnographic conf.*, January 1 – December 31, 2001. Tomsk, 2001, 195–197. (In Russ.)
26. Titova M. V., Troitskaia T. N. On the question of the relationship between the Elovo and Irmen. *Ethnocultural processes in the Upper Ob and the neighboring regions at the end of the Bronze Age*. Barnaul: Kontsept, 2008, 92–101. (In Russ.)
27. Matveev A. V. Irmen culture in the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1993, 180. (In Russ.)
28. Sumin V. A., Ievteeva Ie. M., Anufriev D. Ie., Rosliakov S. G. *Archaeological sites of Kochenyovsky district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: GAU NSO NPT, 2013, 272. (In Russ.)
29. Troitskaia T. N., Sofeikov O. V. Krokhal'evka-13 site as a historical source of the epoch of developed and late bronze. *Problems of archeology and ethnography of Southern Siberia*. Barnaul: AGU, 1990, 63–72. (In Russ.)
30. Kadikov B. Kh. Results of archaeological investigations of the Biysk museum. *Some questions of the ancient history of Western Siberia*, 1959, iss. 3, 18–19. (In Russ.)
31. Kiriushin Iu. F. On the cultures of the Bronze Age in the forest-steppe Altai. *Siberia in the past, present and future: Proc. All-Union Sci. Conf.* Novosibirsk, 1981, iss. 3, 51–54. (In Russ.)
32. Bobrov V. V. Late Bronze Age of the Ob-Chulyum interfluvium region. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1985, 28–36. (In Russ.)
33. Shamshin A. B. *Late Bronze Age and Transitional Time in the Barnaul-Biysk Priobye (XII–VI centuries BCE)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1988, 16. (In Russ.)
34. Bobrov V. V. *Kuznetsk-Salair mountain region in the Bronze Age*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1992, 41. (In Russ.)
35. Bobrov V. V., Umerenkova O. V. The dwellings of the postandronovo time in Kuznetsk hollow. *Archaeological surveys in Western Siberia: past, present, future*. Novosibirsk: NGPU, 2010, 22–29. (In Russ.)
36. Zharonkin V. N. *Cultural traditions and innovations in the Late Bronze Age and the transition period to the early Iron Age of the Upper Ob*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2003, 168. (In Russ.)
37. Iliushin A. M., Kovalevskii S. A. *Complex of archaeological settlements in the valley of the Kasma river*. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2012, 212. (In Russ.)
38. Iliushin A. M., Borisov V. A. Collection of finds from the materials on the Saratovka-4 settlement (to the question of a new type of archaeological sites of the late Bronze Period in the Kuznetsk Depression). *Preservation and research of the cultural heritage of Altai krai*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, iss. XXIV, 2018, 63–68. (In Russ.)
39. Borisov V. A. *Experience in the development and application of experimental methods for ceramics research (based on materials from the Bronze Age of Ob region)*. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2013, 254. (In Russ.)
40. Kovtun I. V. *Andronovsky ornament (morphology and mythology)*. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost, 2016, 547. (In Russ.)

41. Sokolov P. G. *Economy and life support systems of societies of the Late Bronze Age of the Upper Ob region*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2005, 21. (In Russ.)
42. Umerenkova O. V. *Decorations of the Bronze Age of Western Siberia (archaeological and historical aspects)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2011, 21. (In Russ.)
43. Chlenova N. L. On the cultures of the Bronze Age of the forest-steppe zone of Western Siberia. *Soviet Archeology*, 1955, vol. XXIII, 38–57. (In Russ.)
44. Aiyzhy E. V., Kovalevskiy S. A. A review of literature on the formation of livestock farming in the West Siberian forest-steppe zone in the late bronze age. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2016, (2): 65–73. (In Russ.) DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-65-73
45. Bobrov V. V. Historical and cultural processes trend in forest-steppe of Western Siberia. *Tomsk State University Journal of History*, 2016, (4): 32–36. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/42/6
46. Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V. Radiocarbon chronology of the cultures of the Bronze Age of the Urals and the south of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2014, (3): 136–167. (In Russ.)
47. Trusova E. V. History of field research of Andronovo and Postandronovo time sites in Achinsk-Mariinsky forest-steppe (south-west of the Krasnoyarsk krai). *Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2018, 107–108. (In Russ.)
48. Kovtun I. V., Fribus A. V., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N. Taiga-mountain andronoid complex of Ustje Kozhukha 1 site. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 46–51. (In Russ.)
49. Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Plats I. A., Sizev A. S., Veretennikov A. V., Kononchuk K. V., Shcherbakova A. V., Minina K. P., Fal'man A. V. Results of excavations on the time-diversity Ivanovka-1 site in the Lower Tom center of rock art (based on the materials of 2013–2018). *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (8): 5–15. (In Russ.)
50. Bobrov V. V. Begazy-dandybay sites and andronoid cultures of Western Siberia. *Northern Asia in the Bronze Age: space, time, culture*. Barnaul: AltGU, 2002, 9–13. (In Russ.)
51. Korochkova O. N. Andronoid cultures of Western Siberia and Begazy-Dandybayevskaya culture of Central Kazakhstan. *Begazy-Dandybayevskaya culture of Steppe Eurasia*. Almaty: Izd-vo Begazy-Tasmola, 2013, 340–348. (In Russ.)
52. Varfolomeyev V. V. Ceramics superstrat appearance on Begazy-Dandybayevskaya culture sites. *Begazy-Dandybayevskaya culture of Steppe Eurasia*. Almaty: Izd-vo Begazy-Tasmola, 2013, 167–197. (In Russ.)